ПОЭТОГРАД

№ 9 (110)
Февраль
2014

Народная литературная газета

Газета Союза писателей XXI века и Холдинговой компании «Вест-Консалтинг»

Газета выходит с 2010 года 4 раза в месяц

В номере:

Лауреаты газеты «Поэтоград» за 2013 год

Поэзия Дмитрия Цесельчука

Проза Владимира Пенчукова

Стенограмма Литературной гостиной Союза писателей XXI века

Пьедестал Поэтограда

ВЫДАЮЩИЙСЯ ПОЭТ РОССИИ

ЕЛЕНА КАЦЮБА

Смерчаль

танцовщица восьми лучей
притяжение неба
брызги моря
стянута в талии
веревкой ветра
вторя извивам волн
вторгается в берег
пируэтом
семь лучей темноты
один луч света

буду луч я
будешь лик ты
станем рок мы
станьте сон вы
будет он мир
будь она дар
станьте вдох дни

это мер меч
семеро и смерч

ликует луч
лучится лик

рокочет сон
соната рок
мира дар
даром мир
вдох есть бог

(Стихотворение из журнала «Дети Ра», № 1, 2012)

НАГРАДЫ

НАШИ ЛАУРЕАТЫ

Лауреатами премии газеты «Поэтоград» за 2013 год стали:

ПОЭЗИЯ

Сергей Бирюков, за стихи из цикла «Чтобы дождик шел для хлеба». № 7 (58), 2013 г.

Ольга Денисова, за стихи из цикла «В обычном доме», № 26 (77), 2013 г.

Владимир Ерошин, за стихи из цикла «Танкетки», № 34 (85), 2013 г.

Александр Карпенко, за стихи из цикла «Смысл дороги», № 4 (55), 2013 г.

Нина Краснова, за цикл «Новые стихи», № 10 (61), 2013 г.

Слава Лён, за стихи разных лет, № 19 (70), 2013 г.

Светлана Ос, за цикл «Новые стихи», № 8 (59), 2013 г.

Дина Садыкова, за переводы татарских поэтов, № 47 (98), 2013 г.

Натан Солодухо, за стихи из цикла «Размышления у зеркала», № 4 (55), 2013 г.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, КРИТИКА, ЭССЕИСТИКА

Дмитрий Артис, за эссе «Во весь голос или вслух?», № 30 (81), 2013 г.

Сергей Арутюнов, за эссе «Закинф. Из путевого дневника», № 33 (84), 2013 г.

Сергей Нырков, за статью «Поэт Борис Авсарагов (ремейк из книги "Там жили поэты")», № 29 (80), 2013 г.

Людмила Осокина, за эссе «Написать или создать? Мистическое литературоведение», № 30 (81), 2013 г.

Камиль Хайруллин, за статью «Космизм поэзии Николая Заболоцкого», № 20 (71), 2013 г.

Поздравляем вас, наши уважаемые лауреаты, и ждем ваших новых произведений!

Главный редактор газеты «Поэтоград» Наталия ЛИХТЕНФЕЛЬД

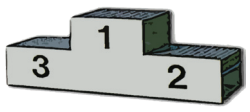
БЕСТСЕЛЛЕР

Вышла в свет долгожданная книга знаменитой балерины, поэта, прозаика, живущей в Испании — Светланы Дион. Не пропустите!

ПЬЕДЕСТАЛ

ТРИ КНИГИ НЕДЕЛИ

Еженедельно в рубрике «Пьедестал: три книги недели» — лучшие книги, выпущенные как издательским центром «Вест-Консалтинг», так и другими издательствами нашей страны. Это наш пьедестал почета — книги, которые мы рекомендуем вам, уважаемые читатели!



Александр Юсупов «Варфоломей» М.: «Вест-Консалтинг», 2014

Александр Говорков «Версии» М.: «Вест-Консалтинг», 2014

Рустэм Хисматуллин «Лирика» М.: «Вест-Консалтинг», 2014

РЕКЛАМА

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ТРЕНИНГИ

Союз писателей XXI века и Институт языков и культур имени Льва Толстого объявляет прием на тренинги: Профессиональные литературные курсы (Литературная мастерская) и «Сделай свое Интернет-кино». В программах принимают участие известные режиссеры, литераторы, журналисты, писатели и другие специалисты. В программы тренингов включены лекции и практические занятия.

Цель Профессиональных литературных курсов (Литературной мастерской) — освоение писательского мастерства. Начало тренингов «Литературная мастерская» с 1 марта 2014 г. (192 а/ч; 4 месяца). Ускоренный вариант — 2 месяца.

Цель курса «Сделай свое Интернет-кино» — основы создания Интернет-кино. Начало тренингов с 1 марта 2014 г. (192 а/ч 4 месяца). Ускоренный вариант — 2 месяца.

По завершении занятий выдается сертификат.

Справки по телефону:
8-915-138-51-43. Профессиональные литературные курсы (Литературная мастерская)
8-495-971-79-25. «Сделай свое Интернет-кино».

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГОСТИНАЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ XXI ВЕКА ЦДЛ, 14 ЯНВАРЯ 2014 ГОДА

Стенограмма
Запись и расшифровка Людмилы ОСОКИНОЙ
Вечер ведет руководитель Союза Евгений СТЕПАНОВ

Евгений Степанов. Сегодня очередное заседание московского отделения Союза писателей XXI века.

Я сейчас вводную часть сделаю, расскажу о наших итогах, о наших перспективах и о том, чем мы будем в этом году заниматься.

Союз писателей XXI века — региональная общественная организация, и наш статус такой же, как у любого другого писательского союза, ну как, например, у Московской писательской организации. У нас есть отделения в различных странах и городах, потому что россияне за границей сейчас живут и в Австралии, и в Америке, и в любых других местах.

Все вы, наверное, помните это знаменитое событие, которое произошло прошлой осенью, так называемое Российское литературное собрание, на котором Путин встречался с писателями. Я тоже был туда приглашен. И что могу сказать? Вот поговорили, поговорили, ну, вроде бы все замечательно, но решений на сегодняшний момент, к сожалению, никаких нет. То есть, как было писателям трудно публиковаться и издаваться, продвигать свое творчество, так ничего и не изменилось в этом плане.

Однако мы все эти задачи давно решаем. Мы издаем газеты и журналы, мы даже создали собственное телевидение. Одна из основных наших задач — это популяризация творчества наших авторов. И очень существенный момент: наш Союз выполняет, конечно, и социальные функции, что, я думаю, тоже для писателей важно.

Для членов московского отделения нашего Союза сейчас есть возможность обслуживаться в одной из правительственных поликлиник, причем, бесплатно. Кто заинтересован из членов Союза, останьтесь, и мы будем этот вопрос согласовывать.

Ну и, конечно, мы издаем книги. В прошлом году вышло порядка 250 наименований. Некоторые наши авторы стали лауреатами престижных премий.

В частности, Елена Сафронова, которая здесь присутствует, но она сейчас вышла ненадолго. Она получила престижную премию «Венец».

В зал входит Елена Сафронова.

В прошлом году произошло знаковое событие: один из членов нашего Союза стал номинантом премии «Большая книга». Такого у нас раньше не случалось, и это действительно знаковое событие. Потому что, это, как говорится, уже Высшая лига литературы. Среди лауреатов этой премии писатели с мировыми именами: Гранин, Кабаков, Быков… И вот этот автор сегодня здесь, это Александр Маркович Файн, здесь он у нас, в третьем ряду. Я хочу поздравить Александра Марковича с этим событием, а также с тем, что у него недавно в нашем издательстве вышла замечательная книга, она называется «Так это было». Давайте предоставим ему слово. Может быть, он рассказ нам прочитает или ответит на наши вопросы.

Александр Файн выходит из зрительного зала и садится за стол рядом с Евгением Степановым.

Текущее время 7 минут.

Александр Файн. Во-первых, я не считаю себя никаким профессиональным писателем. Я совершенно случайно оказался в этой сфере. А история была такая, если кому интересно. Я, вообще-то, занимаюсь бизнесом. Можно сказать, достаточно серьезным бизнесом. Я член Наблюдательного совета консорциума «Альфа-групп». Вы знаете эти структуры — «Альфа-банк», «Вымпелком» и так далее.

У меня была встреча с советником Президента по военно-технической политике. Встреча была приватная. И я ему говорю: «Саша! Вы вообще-то думаете что-нибудь о стране? Как можно разрушать такую огромную машину, как наш военный комплекс?». «А чего надо-то?» — говорит он. «Ты мне серьезно говоришь?»

И я подготовил доклад. Я призвал своих друзей, собрал много материалов и представил доклад. Советник Президента доложил на Совете безопасности России. Там встречено это все было позитивно, сказали, надо готовить совещание под руководством Президента. Соответственно, нужно подготовить целый комплекс материалов.

Я все это честно готовил, готовил, готовил. А совещания все нет и нет.

И я потом одной женщине, которая мне была выделена в помощь, на Старой площади, сказал: «Любовь Ивановна, Вы мне скажите, ради Бога, почему не приступают к этому делу? Она отвечает: «Александр Маркович! Ну, Вы понимаете, там столько интересов…» Я сказал тогда: «Спасибо. Я все понял».

Но я написал во злобе 2 рассказа и послал их Гранину. Даниилу Александровичу.

Он мне позвонил и сказал: «Я, вообще-то, чужие вещи не читаю, но учитывая Ваш возраст — мне тогда был 71 год, я все-таки прочитал. Приезжайте ко мне».

Я приехал. Мы с ним провели полдня. Он мне говорит: «Вам надо работать» Я ему говорю: «Даниил Александрович, а что значит работать? Это что значит? Что я должен делать? Что-то конкретное? Я раньше работал в промышленности, теперь — в бизнесе».

«Пишите. Вам надо писать». На этом наша встреча закончилась. Потом судьба свела меня еще с одним известным писателем, он написал «Горячий снег», с Юрием Бондаревым. Ну и короче говоря, начал я писать и печататься. Потом мне вручили билет члена Союза писателей, не помню уже какого.

Евгений Степанов. А сейчас о творчестве писателя Александра Файна расскажет маститый литературовед Владимир Коркунов.

Владимир Коркунов. В последнее время об Александре Файне с заинтересованностью заговорили специалисты. Премиальная «отметка» также имеется — лонг-лист «Большой книги» (в который попало предыдущее издание писателя «Среди людей»). Новая книга «Так это было» продолжает разработку обозначенных ранее тем — человеческие судьбы в не самые благополучные для страны периоды (а когда они бывают благополучны?), но и показывает такие качества Файна, как скрупулезность, стереоскопическое внимание к деталям, уподобление рассказов маленьким энциклопедиям. Пожалуй, речь идет о явлении в нашей литературе.

Хотелось бы заострить внимание именно на этих чертах, посмотреть, насколько они помогают автору донести до нас описываемый материал, не потеряв при этом голос, поговорим больше о методе, нежели о сюжете (о последнем — см. подробнейшую статью Ольги Денисовой в июльском номере журнала «Дети Ра» за 2013 год).

Особенности работы любого мало-мальски одаренного писателя специалисту интересны априори. Поскольку обогащают в методологии, позволяют заглянуть в творческую мастерскую, да и вообще — больше узнать о литературе. За последнее время мною было написано несколько рецензий и статей о творчестве Александра Файна, поэтому есть возможность сделать несколько обобщений. Более того — передо мной ряд материалов Виктора Ерофеева, Владимира Мединского, Елены Сафроновой, Ольги Денисовой и других о писателе. Пожалуй, можно представить и некоторый критический срез.

Говорить будем, ориентируясь на сборник рассказов «Так это было» (М.: «Вест-Консалтинг», 2013). В нем максимально явно отображены особенности авторской работы над словом, проявляется идиостиль.

В основе каждого рассказа — судьбы людей, помещенные в локации нашего недавнего прошлого, наполненные культурными константами. Это позволило критикам говорить о прозе Файна, как об энциклопедии советской жизни.

Рассказов в книге восемь: «Мой друг Вася», «На пенсии», «Портрет с голубыми глазами», «Не оступись, доченька!», «Решение», «Дуська-Евдокия», «Медаль», «Зять Николай Иванович». Окантованы они двумя вступлениями (Ерофеев и Мединский) и послесловиями (Просецкий и Коркунов), плюс реплика на обложке Денисовой.

Судьбы, как мы уже сказали, представляющие основной интерес для писателя, — переплетаются с историей страны. Но это не стереотипы-клише о советской жизни. Человек, как и жизнь, может предстать совершенно с разных сторон. И, казалось бы, отрицательный герой — начальник лагеря (хотя Довлатов тоже внес свою «копеечку» в разговор о лагерной жизни с другой стороны решетки) — имеет право на человеческие и даже условно нежные чувства, отпуская Дарью, любовницу-заключенную («Не оступись, доченька!»). Он направляет ее к людям, и это основное. Это то, чего ему не хватает в жизни, чего он лишен временем ли, властью ли, своими ли жизненными установками. И старается восполнить в доверившемся ему существе — отчасти ставшем родным.

При этом автор не лишен иронии. Начальник лагеря — с человеческим лицом (горькая ирония о нашей жизни — отчего? ну, почему?!). Зять Николай Иванович (из одноименного рассказа) — ходячая «энциклопедия», знающий как жить «на словах» (а прочитывается: «в лозунгах») при реальной сложности — отремонтировать дом — теряется и безвольно отдает деньги. А мы как поступили бы, уверившись в собственной непогрешимости? И это ирония — о нас самих.

Все наслаивается на голос — различный для персонажей. Если начлаг и Дарья говорят приблатненно, зять — с массой городских шуточек, теща (что к зятю приехала) — глубинно-народно. И т. д. «Бюрократический» рассказ «Медаль» (в котором герой представлен к награде, но бюрократическая машина гоняет по кабинетам и зданиям до той поры, пока не становится поздно получать награду) в голосовом плане выстроен очень точно — в том числе благодаря и герою-поляку. Это и проскакивающие польские слова («матка боска» и др.), и даже национальные черты — гордость, независимость, честность. Более того: честь — «И медаль золотая — главная, мирная — у тебя, Федор, будет…» — обратим внимание на осознанную инверсию.

Одна из важных тем, волнующих Файна, — о прощении и прощании, отражена в рассказе «Мой друг Вася». Два героя, Шура и Дод, друзья-одноклассники, которых раз-

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГОСТИНАЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ XXI ВЕКА ЦДЛ, 14 ЯНВАРЯ 2014 ГОДА

вела судьба, оставляя зарубки на сердце: любовь к одной и той же девушке, соперничество в спорте… Но Шура на полшага отстает от товарища. Тут и золотая медаль против серебряной, и успехи в спорте… А девушка явно благоволит «более слабому». Но так быть не должно! Как можно за спиной у друга отнять самое дорогое?! Только в честном поединке; благородно, по-мужски. Но желания человека — одно, а время (здесь Файн вводит третьего главного героя — время, и в этом проявляется стереоскопическое внимание к психологическим нюансам) живет по своим законам: заговор врачей, крест для ребенка-еврея в отношении спортивной карьеры, невозможность поступить в любимый вуз…

Будущее соединяет героев — постаревших, переосмысливших многое; любимая женщина умерла, жизнь — прожита. Прощение тут или прощание? А дома последний — но самый искренний друг — будильник Вася. И он — вдумайтесь! — отсчитывает время (которое терять ни за что нельзя).

«Портрет с голубыми глазами» и «Решение» — переработка повестей «Мальчики с Колымы» и «Прости, мое красно солнышко». Уменьшая объем текста, Файн последовательно приходит к концентрации смысла (в «Портрете…») и альтернативному психологическому облику (в «Решении»). Последнее интереснее, поскольку при чтении текста читатель априори находится в состоянии соавторства, а подчас предполагает иные сюжетные ходы и поступки героев. Два типа героя слабый/сильный показаны в повести/рассказе. В первом случае герой недальновидно теряет любимую, во втором, наступив на горло эгоизму, — обретает жену. Речь опять о психологической стереоскопии. И подтверждение тезиса, что рассказ — как судьба. Повесть становится рассказом, но вместилище судьбы остается неизменным — текст.

В остальных рассказах «На пенсии» и «Дуська-Евдокия» мы также видим психологические портреты персонажей. В первом случае герой Огалкин с не сложившейся творческой судьбой (кому-то духовный рост важен, а кому-то «заслуженного» подавай!) в конце жизни обретает повышенное желание справедливости, приближенное к неврозу. И рядом — генерал-полковник Николай Варенцов («Дуська-Евдокия»), намного более устойчивый психически человек, методично приближающий к себе внука и передающий мудрость (он не давит, иначе будет принят в штыки!); генерал заботится о подобранной кошке, — старается принести реальную пользу, а не декларативную, делом, а не словом служит близким людям и существам. Да, он не принял монетизацию, всеобщее хамство, разврат и развал ценностей. Но он остается высоконравственным человеком, а Огалкин, надломившись раз, разогнуться не сумел… И опять выявляется герой — время. И снова судьбы преломляются под его воздействием.

Время обладает чертами «героя» — многочисленные его следы в поведении, в мировосприятии, в окружающем накладывают отпечатки на персонажей, кого-то ломают, кого-то мобилизуют, кого-то делают благороднее… Отсюда и появляется энциклопедичность, — чтобы передать ломку в душе через временной интервал, необходимо описать и то, и другое.

Не раз общаясь с Александром Файном, я понял о его методе две вещи: форма как таковая не является целью его прозы, она скорее — средство, антураж, путь к пониманию содержания. И литература, по мнению Файна, начинается тогда, когда читатель примеряет содержание на себя. Это два базиса его творческого самосознания.

При этом он отталкивается и от классиков. Рецензенты часто цитируют их (аналогии с Шукшиным и Шаламовым массово приводились критиками — зачин еще у Мединского). Связь со вторым классиком очевидна — колымская тема предполагает, что каждого автора, «покусившегося на святыню», будут сравнивать с ним. Файн — очевидец, его детские годы прошли на Колыме, а потому образы этих мест, помноженные на время, вполне естественно всплывают в сознании.

Вера в человека — главный лейтмотив рассказов, и «колымских», и «московских»; локация тут вторична, важнее характер, говор, атмосфера жизни — забываемой, советской.

В апологетической рецензии Ольга Денисова характеризует тип героя прозаика: «Начнем с того, что среди персонажей рассказов Александра Файна вырисовываются типы наших современников, которых мы встречали и встречаем вокруг каждый день и на каждом шагу. Калейдоскоп этих типов прихотлив, велик и разнообразен <…> Описание внешности героев у автора скупое, выделяются буквально две-три черты, которые призваны добавить характеристики для внутреннего мира и маркируют либо возраст, либо социальную принадлежность, либо уровень образованности и т. п.».

Последнее говорит о типичности образов, в индивидуальности поступков проступает нечто общее; судьба — индивидуальна, образы — по подобию человека нашей страны (намеренно не говорю — советского человека, речь скорее о герое 30–90-х годов прошлого столетия).

Уместно привести выдержки из статьи Камиля Хайруллина, более симптоматичной, причинно-следственной в историческом контексте (две рецензии: Денисовой и Хайруллина, по большому счету, описывают механику и атрибутику мира, охватывая сюжеты и добавляя историко-политический фон):

«Не должна власть переступать незримую запретную черту, проведенную принципами разума, культуры и морали, и опускать кровавый топор массовых репрессий на своих граждан, причем, в первую очередь, бессмысленно и жестоко уничтожая наиболее образованных, активных и творческих людей из числа ученых, инженеров, хозяйственных руководителей, военноначальников, писателей и т. д. <…> Сталинисты, как правило, выступают под флагом патриотизма. Но с патриотических позиций выступает и Александр Файн, как человек, не желающий покидать родной страны ни при каких условиях».

В сборнике, разумеется, не только об этом, вернее, книга подчеркнуто аполитична — это уже задача рецензентов соотносить время рассказов с реальным временем. Файн передает, транслирует, что характерно — не назидательно, и это куда действеннее морализаторства и принудительного раскрашивания в белое и черное. Сложности? В подмогу — юмор. Преступления? В подмогу — взаимовыручка. Человеческая глупость? В подмогу — контраст. А еще — верность, преданность, любовь к искусству, счастье в мелочах, — жизнь. Многогранная. В самой необычной стране мира.

Александр Файн пришел в литературу в зрелом возрасте, в прошлом он — профессор, в настоящем — человек бизнеса. Проза для него возможность осмыслить произошедшее с ним и его соотечественниками, нами, сказать это по-своему. Творческий метод писателя — уход от прямых характеристик симптомов века, внимание к деталям, к содержанию (превалирующему над формой), попытка создания атмосферы, в которой читатель идентифицируется с персонажами — успешно реализуется в его произведениях.

Евгений Степанов *(Владимиру Коркунову)*. Спасибо, Владимир Владимирович за замечательное обозрение!

Аплодисменты.
Текущее время 19 минут 07 секунд

Евгений Степанов. Друзья! А кто еще читал книги Александра Файна? А вот молодое поколение? (обращаясь к сидящей в зале девушке) Это кто у нас? Это Нино Имедашвили, моя студентка. Нино! Приглашаю тебя выступить.

Нино идет к микрофону.

Евгений Степанов. Это Нино, студентка Останкинского института телевидения и радиовещания, третий курс.

Нино Имедашвили. Здравствуйте! Моя рецензия — одна из многих на сборник Александра Файна «Так это было».

Александр Файн. Я не читал.

Евгений Степанов. Она еще не опубликована.

Нино Имедашвили. Да, еще пока не опубликована. Хотелось бы отметить, что творчество Александра Марковича интересно не только старшему поколению, но молодежи. Мы все наслышаны о том времени от наших родителей, от дедушек, бабушек. И вот в творчестве Александра Файна показана отечественная история. Показана через судьбы людей.

Евгений Степанов. Спасибо, Нино! Это у меня третий курс. Я преподаю там стилистику литературного мастерства и основы журналистики. Многие ругают нашу молодежь, а я считаю, что они замечательные, талантливые, умные. Не все, конечно, тянутся к литературе, но, тем не менее, они образованны, начитаны. Я очень рад, что у меня появилась такая возможность — преподавать.

Вернемся, однако, к теме нашего разговора.

Александр Маркович Файн — предельно занятый человек. Его день начинается, по-моему, в 7 утра. И вот Александр Маркович теперь здесь, гора, как говориться, сама к нам пришла. Поэтому мы помучаем его вопросами, а потом я подарю всем книги Александра Марковича, кто еще не читал эти книжки, тот их прочтет.

Первый вопрос мой такой: расскажите о Ваших взаимоотношениях с телевидением и кинематографом. Я в прессе недавно прочитал, что Вы стали членом художественного совета Ленфильма. Как с кинематографом складываются Ваши отношения?

Александр Файн. Ответить конкретно или аналитически?

Евгений Степанов. Аналитически лучше.

Александр Файн. Я раньше и не представлял себе, что проза и сценарий (кино) — это совершенно разные вещи. Абсолютно ничего общего между собой не имеющие. И когда мне предложили сделать сценарий одного фильма, мне пришлось встретиться с очень серьезными людьми, с серьезными кинематографистами, с именем… И я узнал… много интересного. Я понял, что кино — это не менее интересная сфера деятельности, чем литература. Сейчас подготовлен сценарий, он фактически готов, но идет небольшая обработка. У него с литературным произведением одно и то же название, но фактически ничего общего с ним он уже не имеет. Это такая философская притча. Встречаются 2 брата: одни — успешный, а другого жизнь не баловала, он прожил тяжелую жизнь. Так получилось, что в сталинские времена мать перед смертью отдала одного из своих сыновей (они у нее от разных отцов) хорошим людям. И вот они прожили жизнь. Один стал успешным человеком, другой же прожил страшную жизнь. И вот они встречаются и между ними идет диалог. И вот тот, кому судьба не улыбнулась, предлагает своему более удачливом брату съездить с ним на Колыму, он хочет показать ему те места, где он прожил свою жизнь вместо него, ведь эта жизнь по логике событий предназначалась другому брату. И в конце концов происходит перерождение. Но это только кинематограф может показать, потому что в литературе я об этом даже не думал.

Евгений Степанов. Жанры разные.

Александр Файн. Абсолютно. Следующее очень интересное предложение, которое мне поступило, это написать сценарий о Берии, не о Берии, которого все мы знаем и с которым связаны страшные времена, а о неизвестном Берии. Понимаете, не все неоднозначно в жизни этого человека. Я поднял массу материалов и выяснил, что совсем все не так просто. Да, много он сделал зла, но и промышленность поднимал, он курировал «атомный» проект…

Следующий материал, который тоже Ленфильм будет рассматривать, это сценарий о великом генерале Деникине. О том, как он прислал вагон во время войны с лекарствами, о судьбе этого человека… Сталин, кстати, тогда сказал: «Лекарства взять, в газетах не писать».

Есть еще одни материал, который мне очень интересен. До войны, первой империалистической, была такая певица — Надежда Плевицкая, может, фамилию кто-то и слышал. Это великая певица, которая потрясала русскую общественность, царь плакал на ее концертах. Но ее НКВД, точнее ГПУ тогда запутало… И вот она последние 3 дня, находясь во французской тюрьме, перед смертью, вспоминает свою жизнь. Такой сценарий тоже готовится.

Следующий сценарий, который, я хотел бы, чтобы получил путевку в жизнь, это «Анатомия развода». Судья, который занимается бракоразводным процессами, сидит в кабинете, перед ним куча бракоразводных дел, а у него у самого проблемы, и он хочет написать письмо-заявление о собственном разводе. И вот 8 новелл о современных людх, которые по разным причинам пришли к заключению, что брак надо прекращать. Ни одна из новелл не заканчивается конкретным результатом, непонятно: разведутся — не разведутся. И, в конце концов, сам судья рвет свое заявление. Вот такое тоже будет. И еще штук 8 там разных предложений. Сейчас меня это полностью захватило, мне кажется, что это очень интересная форма жизни.

Текущее время 26 минут 37 секунд

Евгений Степанов. А вот все-таки, Александр Маркович, проза от этого не пострадает? Вы туда, в кинематограф, собираетесь надолго удалиться или все-таки прозу будете писать?

Александр Файн. Посмотрим… Как получится.

Евгений Степанов. Хорошо. Теперь вопрос из зала. Эдуард Просецкий, писатель.

Эдуард Просецкий. *(с места)*. Мы с Александром Марковичем прекрасно знаем друг друга. Мне приходилось о нем писать. Рецензия моя была даже напечатана в «Литературной газете». И в одной из бесед Александр Маркович поделился своими планами. Громадье! Но был один сюжет, о котором Вы ничего не сказали, это киносценарий о бизнес-вумен.

Евгений Степанов. А, точно, точно…

СОБЫТИЕ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГОСТИНАЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ XXI ВЕКА ЦДЛ, 14 ЯНВАРЯ 2014 ГОДА

Эдуард Просецкий. Что с этим сюжетом?

Александр Файн. Отвечаю. Он принят Первым каналом.

Эдуард Просецкий. Поздравляю!

Александр Файн. Значит, речь идет о чем? Женщина: красивая, умная, талантливая идет к вершинам бизнеса, используя койку. И вот она дошла до самого верха карьеры и поняла, что все это — пустое. И уходит в монахини. Вот так было задумано. Но канал сказал: «Ребята! Это не пройдет!»

Смех в зале.

Александр Файн. Надо, чтобы она была хорошей, надо, чтобы она была порядочной. И поэтому сценарий весь переделали и в итоге она ищет потерянного сына.

Смех в зале.

Александр Файн. А повесть такая будет, как я изначально задумал.

Евгений Степанов. Вот это очень важно.

Женский голос из зала. А Вам не жалко рвать все и переиначивать?

Александр Файн. Да вы знаете, я не успеваю жалеть, просто, честно говоря, не успеваю.

Евгений Степанов. Друзья! Жалко, конечно! *(обращаясь в зал)* Володя! Владимир Новиков, поэт, кандидат физико-математических наук, физик.

Владимир Новиков *(с места)*. Знаете, Александр Маркович, Вы интереснейший человек! Но Вы нас заинтриговали в самом начале, сказали… как у нас обстоят дела… короче, приоткрыли завесу над тем, как обстоят дела в военной области…

Евгений Степанов. Военные секреты, что ли?

Владимир Новиков. Ну да… Вы говорили, что у нас ракеты заржавели и все такое…

Александр Файн. Давайте, я сейчас четко сформулирую. Во-первых, Вы понимаете, что я не могу говорить о вещах, которые являются предметом определенной закрытости. Это раз. А во-вторых, я не настолько в этом и осведомлен сейчас. Я 35 лет проработал в Военно-промышленном комплексе, занимался ракетами. Но уже 20 лет как ушел в бизнес. Это второе. Третье. Сейчас резко изменилось отношение руководства страны к этим вопросам. В лучшую сторону. Но многое упущено. Многое проморгали, это однозначно. То, что много упущено — однозначно. Появилось огромное количество случайных людей в отрасли — это недопустимо.

Но, тем не менее, все-таки позитивные сдвиги есть.

Но 20 лет потеряно, точнее, 25 лет потеряно. Ведь что такое военный комплекс? В мире равного советскому военному-промышленному комплексу (структуры индустриальной) просто не было. Даже близко не было нигде. Это была огромная система, которой руководил трижды Герой Социалистического Труда, заместитель Председателя Совета Министров Смирнов. Он управлял огромной машиной. Она не всегда была эффективной, но эта была огромная машина.

Я после окончания института попал на фирму Королева, Сергея Павловича Королева. И мне посчастливилось с этим великим человеком встречаться несколько раз. Точнее сказать, он разрешал мне иногда общаться с ним.

Мне посчастливилось встретиться с величайшим артиллерийском конструктором мира, вы фамилию, может быть даже такую и не знаете. Это — генерал-полковник Грабин, Василий Гаврилович Грабин, кстати, фильм о нем я тоже буду делать. Это единственный человек, который мог Сталину сказать «нет». Когда я пришел на эту фирму, я был еще и спортсменом. И так получилось, что меня там включили в определенную команду и надо было проходить дополнительную проверку на секретность. Я тогда организовал команду по многоборью, а поскольку у нас никаких спортивных снарядов не было, я пошел просить у Василия Гавриловича. Вот судьба столкнула меня с этим великим человеком, и он меня много чему в жизни научил.

Я сейчас часто публикуюсь в журнале «Миллионер», есть такой журнал. Там я начал вести 2 большие рубрики «Великие сыны России и великие дочери России». Я считаю, что это большой пробел в нашей жизни, что мы о великих людях России не всегда говорим правду, о Блоке, например, о Грабине, о многих других. Я ответил на ваш вопрос?

Текущее время 32 минуты 19 секунд

Евгений Степанов. Спасибо, спасибо! А давайте сейчас предоставим слово нашему критику Елене Сафроновой. Она приехала специально на наш литературный вечер из Рязани. Елена Сафронова! Пожалуйста!

Елена Сафронова идет к микрофону.

Евгений Степанов. Она лауреат премии «Венец», автор многочисленных публикаций и двух книг. *(Показывает залу новую книгу Елены Сафроновой.)* Вот такая книжечка вышла у Лены в очень хорошем издательстве, в «Арт Хаус Медиа». Замечательная книга! Ну, здесь как раз о поэзии Лена размышляет.

Елена Сафронова. Спасибо, Евгений. Я хотела бы сейчас повторить сквозные постулаты своей рецензии на книгу Александра Файна «Так это было».

Но все дело в том, что эту книгу я рассматривала в тандеме с книгой Игоря Харичева «Будущее в подарок». Потому что самими названиями эти две, только что вышедшие книги, составляют очень любопытную антитезу. Одна смотрит в прошлое, другая пытается прогнозировать будущее. И совершенно очевидно: то прошлое, которое описывает Александр Файн, породит то будущее, которое представляет себе Игорь Харичев.

Строго говоря, Владимир Коркунов, будучи литературоведом и дипломированным филологом, все уже о свойствах прозы Александра Марковича сказал, особенно о том, почему у него такая уникальная форма рассказа. Мне, конечно, такие высоты филологического духа и не снились. Мне, как человеку с историческим образованием, просто интересно воссоздание картин прошлого, его прошлого. С какими-то реалиями, какими-то моментами, которые сейчас вообразить, кажется, невозможно.

С такими деталями, как то, что евреи, например, переходили на идиш, чтобы сказать другу другу что-то, не предназначенное для чужих ушей, а вся страна в это время делала вид, что такой нации, как евреи, не существует. И еврейские пословицы назывались турецкими. Мне это было очень, в хорошем смысле этого слова, интересно. Хотя я понимала, что на самом деле, ничего хорошего здесь нет. Это скорее постыдное прошлое, от которого открещиваться надо. А не получается. Получается, что и ни оторваться от своих корней нельзя, ни сделать свое будущее независимым от того, что было пережито, тоже. Потому что, ну сами понимаете, одно проистекает из другого, по крайней мере, в нашем мире, в нашей объективной реальности, где связи причинно-следственные являются основной движущей силой цивилизации.

Ну, в общем, к книге «Так это было» у меня всего лишь одно деликатное замечание, которое я не постеснялась высказать в рецензии. А именно, я думаю, что пояснения по текстам рассказов лучше было бы собрать какой-то отдельной рубрикой в самом финале, чтобы не перебивать чтение. Все-таки, это — литературные произведения, каждый рассказ, действительно, картина художественная, а не только документальная. И вот такое назойливое внимание, ну, скажем, энциклопедического толка, этот формальный признак наукообразной литературы, сноски эти, это как-то мешает впечатлению.

Александр Файн. Мне, кстати, тоже мешает, но попросили.

Елена Сафронова. А, понятно.

Евгений Степанов. Очень хорошо. Пусть Елена критикует, аргументированная критика всегда полезна.

Елена Сафронова. Я думаю, что можно было хотя бы составить список сквозной нумерации и дать пояснение в конце.

Евгений Степанов. Спасибо, Лена! Спасибо, дорогая! Спасибо!

Аплодисменты.
Текущее время 39 минут 5 секунд

Евгений Степанов. Друзья! Задавайте еще вопросы Александру Марковичу! Может быть, хочет кто-то что-то сказать, выступить, есть желающие?

Человек из зала *(вставая с места и представляясь)*. Владимир Тимофеевич, читатель.

Евгений Степанов. Очень приятно.

Владимир Тимофеевич. Вы тут говорили, что пишите о Берии, будет ли это перекликаться с книгой сына Берии о нем?

Александр Файн. Нет, с его книгой не будет перекликаться. Это будет взгляд на человека, который, с одной стороны, был огромной личностью, с другой стороны, в нем было много черного, а с третьей, все-таки, это тот человек, который создал атомную промышленность, создал ракетную промышленность. Поэтому это будет несколько таких взглядов со стороны. У меня не завершен еще скелет книги, но я думаю, я сделаю это быстро.

Владимир Тимофеевич. А будет ли дана в этой книге оценка менталитета народа, который подвергся репрессиям?

Александр Файн. Давайте мы разделим эти вопросы. Я не занимаюсь анализом социально-исторических, политических вопросов. Я пишу художественную прозу. Другое дело, что она основана на каких-то исторических материалах. Но это художественная проза, а не исторический анализ.

Евгений Степанов. Спасибо! Друзья, еще есть какие-то вопросы? А то у нас время ограничено и нам надо приступать уже ко второй части нашего вечера.

Человек, который сидел в зале вместе с Александром Файном, просит слова.

Евгений Степанов. Пожалуйста!

Михаил Ковалев. Я не принадлежу к литературной среде, но я хотел бы отметить вот что. Многие говорили здесь, но никто не сказал о поразительной честности этой прозы, нашему поколению это понятно и близко. Потом были аналогии с академической литературой, с научной литературой. Мне, например, это очень нравится. Это я говорю в противовес профессиональному критику. Прочитал рассказ, прочитал другой, прочитал третий и сразу же посмотрел ссылки, разъяснения. Так удобнее, потому что, в таком случае, ты не должен все время лезть в конец книги и отвлекаться. Мне думается, вот так очень правильно сделано.

Потом я хотел бы еще подчеркнуть вот эту аналитическую точность. Может быть, некоторые не знают, но на самом деле, перед нами физик, математик, профессор. И это нельзя скидывать со счетов, это тот корень, стержень, вокруг которого вращается все остальное. Поэтому можно не сомневаться в точности фактов и всего остального.

А вопрос у меня такой: о взаимоотношениях бизнеса и литературы, просится ли это на бумагу? Вот вы живой классик и в той ипостаси, и в этой…

Евгений Степанов *(Файну)*. Да, вообще, как это все сочетается?

Александр Файн. Я понял. Скажите: вам отвечать честно или как надо?

Голоса из зала. Честно, честно!..

Александр Файн. С точки зрения художественного восприятия бизнес и литература — вещи прямо противоположные, ничего общего они не имеют. Потому что бизнесмен, стоящий во главе крупной структуры, каждый день должен принимать решения, которые направлены против человеческой личности. Иначе фирме каюк! Литератор же должен изучать человека, изучать его слабости, страдать за него. Если руководитель крупной фирмы будет излишне сентиментален, то его фирма не проживет и недели.

Другое дело, что бизнес, как форма человеческой деятельности, одна из наиболее интересных сфер в плане получения материала о человеке. Если бы вам довелось поприсутствовать хотя бы раз на заседании нашего Наблюдательного совета, вы бы удивились, тому, что там происходит. Люди там говорят о государстве, о праве, о музыке, о литературе, об истории… А дело в том, что, чем ниже бизнес, тем он ближе к экономике, к финансам, к тому, чему учат, например, в Чикагском университете.

Но чем выше бизнес, тем больше в нем человека. Совсем большой бизнес, который там, наверху, там нет экономики, нет финансов, там есть только человеческие отношения. Там речь идет только о том, насколько человек может построить себя в этом мире бизнеса. Там принимаются во внимание совсем другие человеческие качества, совершенно другие человеческие возможности. Я ответил на ваш вопрос?

Евгений Степанов. Спасибо. Спасибо, Александр Маркович! Спасибо, дорогие друзья, что вы приняли участие в первой части нашего вечера. Давайте поблагодарим Александра Марковича за интересное выступление.

Аплодисменты в зале.
Текущее время 48 минут 58 секунд.

ВЛАДИМИР ПЕНЧУКОВ
СКАНДАЛ В ДОМЕ АЛЬБЫ

Профессиональной актрисой Нина не стала. Дважды она пыталась поступить в театральный… и на третий год, к великой радости матери, отнесла документы в другой институт.

— Вот так-то лучше, доченька. Совсем ты извела себя. Глянь в зеркало — кожа да кости. Пусть себе другие скачут по сцене, пусть, а ты будешь деток учить. Очень хорошая профессия. И нужная.

Итак, Нина — в педагогическом. Но забыть о сцене!.. Даже на лекциях в институте она украдкой учила текст новой роли, готовясь к очередной премьере в народном театре. Нина смирилась с тем, что хватать звезды с неба — не ее удел. Да она никогда и не тянулась к ним руками… и даже голову вверх не задирала: «звезды» есть, да не про ее честь. Пока не отнимают возможность хоть пару минут пережить чужие радости и страдания на сцене — и то ладно.

Тик-так, тик-так… день… ночь — сутки прочь. И все бы ничего, не прерви обыденную, монотонную, как жужжание пылесоса, серую повседневность Нины телефонный звонок.

Бросив неочищенную картофелину в кастрюлю, Нина вышла в прихожую.

«Нина, ты?» — услышала она в трубке голос режиссера.

— Здравствуй, Лёньчик.

— Бросай все и шпентикряй в студию. Срочно.

— Хорошо. А что случилось?

— В театре поговорим, — оборвал Нинино любопытство режиссер, но не удержался. — Я думаю, тебе давно пора сыграть большую роль.

Ну конечно, пора!.. Давно пора!.. — Нина заметалась по квартире. — А как же! — твердила она про себя. — Вот радость!.. А я-то, я-то… И мечтать перестала…

На какой-то миг Нина увидела небо в алмазах.

Плащ… сапоги… Глянула в зеркало: помаду на губы, и — вихрем на улицу. Полчаса трамваем к Дому офицеров, а кажется целая вечность. Скорее… скорее! — мысленно подгоняла она вагоновожатого.

Остановка.

«Наконец-то!»

Перескакивая через две ступеньки, Нина взбежала по лестнице на третий этаж, где находилась репетиторская студии актеров-любителей.

— …нет, нет и еще раз нет! Мое решение твердо: Аделлу будет играть Нина. Я уже все продумал. Точка. Финита ля комедия. — Услышала Нина свистящий голос Лёньчика, и тут же отдернула руку от двери.

«Кажется, из-за меня ругаются. Почему?.. Не хотят, чтобы я играла?.. А Лёньчик сказал… Что же он?..»

— Аделлу должна играть видная девушка… (Леночка… узнала по голосу Нина). Все должно быть при ней: и тут, и тут… А что твоя Нинка?..

— У Нины тут много, — донесся из-за двери голос Лёньчика.

— Театр — не кардиологическое отделение. И мужчинам, между прочим, совсем не то нужно.

— Много ты знаешь о мужчинах!

— Да уж много… И вдоль, и поперек. Не ты первый.

В труппе ни для кого не секрет, что Лёньчик и Леночка не просто друзья-товарищи.

— Или тебя после сладкой булочки потянуло на черствый сухарь?.. Извращенец! — продолжает наседать Леночка. — Тоже мне, нашел приму из народа! Мать — уборщица в офицерском стойле, а дочь — звезда Мельпомены. Да ее больше, чем на «кушать подано» и не хватит-то. — И после короткой паузы: — Да на такую плоскодонку разве позарился бы тот кавалер, о котором пишет Лорка?!

Медленно, не пропуская ни одной ступеньки, Нина пошла вниз. Останавливаясь на каждом повороте лестничного марша, она оборачивалась, делала шаг назад, но… «Ну что я им скажу?.. Может, и вправду не гожусь?..»

Парадная дверь противно взвизгнула за спиной. Нина зябко съежилась, подняла воротник плаща.

Порывистый ветер срывал с деревьев отжившую листву и швырял ее на мокрые тротуары под ноги прохожих.

«Почему она такая злая?!» — с обидой и болью подумала Нина о Леночке, своей грозной сопернице, крашеной блондинке с эффектными формами и длинными красивыми, как у заграничной кинодивы ногами. Нина видела такую же яркую… актрису в порнофильме. Как-то, еще в прошлом году, Леонид принес видеокассету и похвастался: «Клубничка» — пальчики оближешь…». Лена с заговорщицким видом шепнула Нине, что в кабинете отца в шкафу спрятан отечественный видик «Электроника». И дочка уборщицы… ей всегда хотелось хоть как-то угодить Лёньчику, хоть в чем-то, лишь бы он обратил на нее внимание, а тут такая возможность!.. Да и дочка самого Василия Денисовича впервые обратилась к ней, будто к закадычной подружке… И Нина сама назвалась открыть кабинет начальника гарнизонного Дома офицеров. В тот же день она взяла у матери ключ (сказала, что поможет ей, вытрет пыль с мебели), и когда уже все порасходились и клуб опустел, открыла дубовую дверь и…

…как сама себя обворовала.

Телевизор смотрели без звука: не дай бог, вахтер услышит. Но на экране!.. на экране!.. Нина чуть дышала: ей и стыдно было впервой смотреть, как голая порнозвезда занимается крутым сексом с голыми мужчинами, и не было сил оторваться от этого зрелища. Она и не подозревала, что такое может быть. Но раз показывают… Нина верила телеэкрану, как верила программе «Время», как верила каждой строчке в газетах «Правда» или «Известия», да и Лёньчик, ее Лёньчик не смотрел бы то, что дурно, что нельзя смотреть. Значит, так может быть… и так есть, и совсем недурно если Лёньчик смотрит. И еще Нина ловила себя на том, что ей все это нравится, как нравится все, до чего далеко-далеко, как до Луны в небе. И тут Леночка, будто пощечину влепила, окликнула Нину и ехидно заметила: «Вот бы тебе такие сиськи, а… Нина!.. Хочешь?» Нина вздрогнула и скуксилась: как раз она с завистью смотрела на роскошную грудь разухабистой порнозвезды. Нина обиженно повернулась на голос (Лёньчик и Лена сидели на диване… тогда они еще не были любовниками, Нина — в кресле, чуть впереди и сбоку) и сразу поняла, что Лёньчик уплыл от нее, навсегда уплыл. Лена с расстегнутой на все пуговицы кофточке — грудь на виду, сидит на коленях у Лёньчика и вульгарно ухмыляется, а рука Лёньчика глубоко, даже локтя не видно, у нее под юбкой.

Выгнать бы из кабинета беспутную парочку, в шею вытолкать… да не хватило духу… Самой уйти от позора?.. А как?.. у нее же ключ… Не оставлять же их одних, вдруг застукают, тогда что?.. За такие просмотры и в тюрьму могут посадить. А как театру без режиссера?.. Был случай… рассказывали, что кого-то посадили на пять лет за то, что тот смотрел запрещенный фильм на видеомагнитофоне… Да и маму могут выгнать с работы. И еще ревность своими потными ладонями душила Нину. Ревновала до тошноты, до спазм внизу живота. Но терпела. И еще… глухо и тупо надеялась, что Лёньчик и ее посадит на свое колено, на второе колено… и тоже запустит свою руку ей под юбку. Нина в тот миг была и на это согласна: она любила «своего» Леничку, как любят горбатые дурнушки писаных красавцев. А Лена, будто прочитала, что у Нины в голове, опять: «Нинка, ну скажи, не ломайся, ты хочешь, чтоб у тебя были такие сиськи?»

Уже в девятом классе Нина с грустью заметила, как безнадежно отстала от сверстниц. Те уже носили лифчики, а она, как первоклассница, все в мальчиковой маячке, — какая жалость! А на уроки физкультуры хоть и не показывайся. «Ну почему я не такая, как все!» — тосковала Нина, замечая жадные взгляды мальчишек на рельефные бугорки под кофточками одноклассниц.

В институт Нина принесла справку об освобождении от физкультуры. Разоткровенничалась перед участковым терапевтом, и та — хорошо, что врач женщина, — посочувствовав ее горю, уступила столь необычной просьбе.

Домой вернулась поздно вечером.

— Нина, ты? — окликнула мать из кухни. — Где ты пропадала?.. И картошку, вижу, не дочистила… Даже воду в кране не перекрыла… Тебя Лёнька спрашивал, три раза. Позвони ему, что ли… Погоди, тапочки вынесу — наследишь.

Щелкнул выключатель — в прихожей вспыхнул свет.

— О боже! — всполошилась мать. — Да на тебе лица нет. Что с тобой, доченька?!

Нина молча стянула плащ, свитер… вошла в свою комнату.

«Большая роль, — вздохнула она и подошла к зеркалу: на нее глянула незнакомая девушка с опухшими от слез глазами. — Ну, какая из меня Аделла, или как там ее…» — еще раз вздохнула, подошла к телефону и набрала номер.

— Это я.

— Молодец, что позвонила. — В голосе Леонида угадывались и укор, и вина, и победные нотки. — Послезавтра в шесть вечера первая читка. Не опаздывай,

— Но я…

— Знаю, знаю. Мне вахтер дядя Миша рассказал — видел, как ты выскочила на улицу. Ладно, проехали… не бери дурного в голову.

— Но я теперь не смогу, Ленечка.

— Да что мне, еще и тебя упрашивать! — громко взвизгнула мембрана. Нина вздрогнула.

— Я согласна, Ленечка, согласна… но только для тебя, — будто разделась догола, но в трубке уже: пи-пи-пи…

Мать выглянула из кухни, сокрушенно покачала головой, но ничего не сказала. «И зачем только я привела ее в Дом офицеров!.. Знала б, чем все кончится — на порог не пустила бы. Сама б мыла полы… без ее помощи. Артисткой ей хочется быть!..»

До премьеры — считанные дни. Лёньчик из кожи лез: пять месяцев пытался создать что-то новое и оригинальное. Пять месяцев кричал, надрывая голосовые связки и нервную систему. Пять месяцев он то записывал своих актеров в гении, то обзывал их бездарщиной. Пять месяцев хватался то за голову, то за сердце. Освещение, костюмы, декорации и еще тысячи мелочей — тоже его забота. Пять месяцев напряженного труда, даже не труда, а сплошной истерии вымотали и его, и всю его труппу. И вот, еле дотерпев, пока дисциплинированный, стриженый наголо и замученный ежедневной муштрой зритель в защитной форме не уселся и не затих, Лёньчик жестом показал — пора начинать. И начали… да так, что глаза б не смотрели. Первое отделение было скомкано. Актеры, словно бегуны на дистанции, наперегонки выплескивали свои реплики, даже не вспоминая о системе Станиславского, которую Лёньчик вдалбливал им на каждой репетиции.

Зрители откровенно скучали… не проявляли никакого интереса к сцене, где уставшая Бернарда устрашала судьбой и богом своих вялых, с постными лицами, какими показывали их актрисы, дочерей.

Бернарду, хозяйку дома, играла известная в узких кругах актриса-любитель Тамара Михайловна Бех. Но и на нее не интересно было смотреть.

Антракт…

Багровый от жары и гнева Лёньчик мечется среди своих подопечных и вопит, что они «зарезали» не только его, режиссера, но и самого автора.

— Это же черт знает что!.. увидел бы Гарсиа Лорка… в гробу перевернулся бы! — И, то ли угрожая театру, то ли обещая себе… — Чтоб я поставил еще хоть одну пьесу в вашем балагане?.. черта с два! С меня довольно. Финита ля комедия. Вот уж, что верно то верно: в народных театрах не бывает народных артистов.

— И народных режиссеров… — Той же монетой отчеканила Бернарда-Бех.

Лёньчик даже не повернулся к ней.

— Разве вы играли!.. Вы меня резали… без ножа. Разве вы действовали, как я вас учил! Вы кровь мою пили. Сколько раз я показывал, как ходят испанки! А вы!.. Посмотрели бы на себя — ужас! Передвигаетесь по сцене, словно коровы по льду. Все… карету мне, карету. Хорошо хоть солдат пригнали… этим тупицам все равно, что смотреть, лишь бы на плацу не маршировать.

— А там не только солдатня, там и гражданские есть.

— Знаю, Лена. Знаю. Я видел. Но лучше б их совсем не было… Уж лучше перед пустым залом играть. — И в истерике: — Да будет проклят тот день, когда я согласился руководить вашим, богом забытым коллективом!.. Надо действовать на сцене, а не читать заученные фразы.

— Товарищ режиссер, вы еще крикните — не верю!.. не верю!.. — опять вставила шпильку Тамара Михайловна Бех.

Лёньчик резко повернулся к ней — та как раз благополучно надкусила второй бутерброд с ветчиной — и, сильно прищурив глаза, угрожающе зашипел.

— А что… и крикну. Я действительно не верю ни одному вашему слову, ни одному вашему жесту, Тамара Михайловна. — И поводил пальцем из стороны в сторону. — Слышите… ни одному. Почему вы сутулитесь?! Бернарда еще не сломлена. Вы — Бернарда. А Бернарда это… — Лёньчик потряс над головой кистью с растопыренными пальцами, тщетно пытаясь подобрать нужное определение, сделал два быстрых шага назад, и… старый кожаный диван отчаянно завизжал под ним всеми своими усталыми пружинами. — Ужас! Какой ужас!.. Я сегодня выживу лишь благодаря Аделле. Ниночка, солнышко, встань, подойди сюда и покажи любимице публики и всем этим примадоннам, — Лёньчик очертил широкий круг рукой, — как гордые женщины держат голову… покажи, какая у них должна быть осанка.

— Подумаешь, откопал талант! — съязвила Леночка. — Открыл вторую Ермолову…

— Да… Нина — талант, и с этим надо согласиться.

— Ну конечно, конечно же, — не унималась Леночка. — Поэтому ее и не приняли в театральный институт. — И прищурилась. — Я уже давно заметила, что ты на нее глаз положил. Еще когда роли распределяли, да как-то не верила себе, думала — ошибаюсь. Понадеялась на твой хороший вкус. А теперь вижу… — И усмехнулась. — А что, попробуй сыграть и эту мизансцену. У тебя получится… как два пальца… Все видят, не слепые, какими собачьими глазами она облизывает тебя. Ты только пальчиком помани — и готова: хоть в ЗАГС, хоть в кусты… — И в истерике: — Ну и катись к ней! Только аккуратней — синяков не наставь себе об ее кости. Сначала откорми до божеского вида, а потом уже лезь на нее… Извращенец. Не удивлюсь, если скоро на мальчиков переключишься… А что, ты — запросто… Сейчас это модно, многие в голубой цвет перекрасились. — И пригрозила: — Только, смотри, как бы не вылетел из театра. Папа не любит таких.

Окончание на стр. 6.

ПРОЗА ПОЭТОГРАДА

ВЛАДИМИР ПЕНЧУКОВ
СКАНДАЛ В ДОМЕ АЛЬБЫ

Окончание. Начало на стр. 5.

Нина не знала куда девать себя.

— Да замолчи, ты… — пристыдила Леночку Вера Алексеевна Таранюк, играющая экономку Понсию. — Лучше признайся, что ты ей просто завидуешь. — И повернулась к Тамаре Михайловне Бех. — Тамарочка, почем бутерброды?.. Правда!.. Совсем не дорого. Свеженькие?.. Надо и себе сбегать в буфет. Моя внучка страсть как обожает ветчинку.

Тамара Михайловна сняла с третьего бутерброда ломтик ветчины, сложила его пополам, отправила себе в рот, а хлеб выбросила в мусорную корзину.

— Там и с икоркой есть.

— Да нет, Тамарочка, с икоркой — ну их! С икоркой — дорогие. Да и сколько той икры на кусочке хлеба — десять бубинок? Ну их. Моя внучка с ветчинкой любит… аж пальчики облизывает. Ниночка… — Она повернулась к Нине. — А может, ты сбегаешь? У тебя помоложе ноги. Я сейчас тебе денюшки дам.

Вера Алексеевна полезла в сумку.

Нина протянула руку за деньгами: дочь уборщицы, всегда на месте дочери уборщицы… хоть в норковое манто ее одень, хоть в совет министров ее введи. Будто во сне она смотрит, как Тамара Михайловна старательно пережевывает ломтики ветчины, и недоумевает: при чем тут бутерброды в буфете, когда есть Гарсиа Лорка, талантливый режиссер Леонид и трагедия далекой испанской девушки Аделлы.

Леночка расстегнула лиф своего платья и опустилась в кресло.

— Ладно, хватит лавры делить, мы не на Таганке играем, и не во МХАТЕ. Лёньчик, подай веер — здесь душно… у меня аж под мышками взмокло. — И повернувшись к Нине: — Смотри, «золушка», не опоздай, скоро звонок к выходу. Не подведи своего режиссера.

И еще шире распахнула лиф платья.

— Тьфу, бесстыжая! — Вера Алексеевна отвернулась от Леночки. — А ты, Нина, не обращай на нее внимания. Ступай, ступай — успеешь. У нее язык, что помело. Ей, видите ли, роль горбуньи не нравится. Ты пробегись по лестнице… и успокоишься. Только быстренько, а то выход скоро. — И опять повернулась к Леночке: — И как тебе не стыдно, а! Ну, чего ты наскакиваешь на нее, а? Думаешь, если ее мама уборщица, так и обижать ее можно? Вот напишу рапорт твоему папе — узнаешь! Василий Денисович справедливый человек. Он всегда спрашивает у нас как дела.

Лена криво усмехнулась: как же, отец скорее всех вас поразгоняет, чем мне скажет хоть слово поперек. Знает, что могу матери кое-что порассказать про диван в его кабинете.

Жалость других всегда убивала волю Нины. Так уже было и не однажды. Первый раз это случилось давно, лет пятнадцать назад: ее, семилетнюю прозрачную девочку с тощими косичками и огромными зелеными глазами, мать привела в Детский мир, решили купить платье к празднику 1 Мая. Долго выбирали, подыскивая красивое и сходное по цене. В те годы мать часто болела и потому не очень-то баловала дочку нарядами — еле концы с концами сводили. Покупка нового платья стала для Нины событием, настоящим праздником, ведь это первая обновка после смерти отца.

И вот… долгожданная минута.

Прицениваясь и обстоятельно обсуждая каждую вещь, они нашли то, что хотели. Ситцевых было много, но все какие-то… А это… только одно в магазине. А может, даже и во всем городе. И сшито, будто специально для Нины.

В примерочную заглянула какая-то женщина, и Нина, готовая поделиться радостью со всеми на свете, несколько раз повернулась, демонстрируя красоту своего наряда. Мать стояла и, улыбаясь, смотрела на счастливую дочь. Потом они повесили платье на плечики и пошли выбивать чек. Мать неторопливо отсчитала деньги и подала их кассирше.

Словно пчелиный улей, гудел и суетился предпраздничный Детский мир. Покупатели и просто зеваки ходили от прилавка к прилавку, присматривались, принюхивались, лезли через головы… Никому ни до кого не было дела. Каждый сам по себе. Кто-то тихо радовался покупке, кто-то откровенно возмущался по поводу цены и качества, кто-то просто недовольно крутил носом, кто-то удивленно пожимал плечами — всем не угодишь.

Красивая девушка за стеклом кассы развела руками.

Нет… Да нет же… Ведь праздник скоро!.. Нина не хотела этому поверить — платье продано. Его купила та самая толстая женщина, которая заглядывала в примерочную. Она оказалась проворнее. Рядом стояла ее дочь, одетая не по возрасту в дорогое платье из панбархата. Мать Нины подошла к женщине объяснить, что платье присмотрели они. Затем принялась стыдить ее. Наконец, просить, чтобы та уступила покупку. Подошли и другие — тоже стыдили толстую женщину. Но та, как гора, стояла на своем: деньги уплачены — товар мой.

«Надо же в чем-то моей доце в деревенской грязи бултыхаться. На целую неделю к свекрови едем».

Когда в разборку вмешалась продавщица, толстуха возмутилась и потребовала жалобную книгу.

На этом спор прекратился.

Женщины принялись жалеть Нину — каждая стремилась погладить ее по головке.

Этого Нина не перенесла.

Она заплакала.

Сквозь слезы Нина смотрела на свою соперницу, а та равнодушно поглядывала по сторонам и указательным пальчиком правой руки энергично ковырялась в носу. Ногти у девочки были накрашены, причем таким же алым лаком, как и крылья бабочек, порхавших по голубому фону платья из ситца, которое Нина с мамой присмотрела себе к Первомаю.

…Расколовшись на две половины, занавес обнажил мускулистое тело Иисуса Христа. Скорее Христа-самца, чем Христа великомученика. Вот только мощных гениталий не хватало, а так все в порядке. По тайному, может даже подсознательному замыслу Леонида, огромное, грубо сработанное распятие на черном фоне должно помочь публике увидеть ауру Гарсиа Лорки и разобраться в нравственных устоях семьи, о которых он рассказывает в своей пьесе «Дом Бернарды Альбы». Это была единственная декорация на сцене.

Солдаты еще усаживались на места, когда Нина выскочила на сцену: еле успела — в буфете была очередь. И вдруг, увидев Леночку, о чем-то шептавшуюся с Верой Алексеевной, замерла. Нине показалось, что Леночка опять говорит о ней какие-то гадости.

Будто и не на сцене все происходило.

Нерешительность длилась не дольше трех секунд, и теперь уже не Нина, а Аделла топнула ногой и гневно вскрикнула. Никто не расслышал что именно, но все увидели, как она это сделала. Более естественно топнуть ногой на сцене не смогла бы, наверное, ни Доронина, ни даже сама Ермолова. Во всяком случае, так показалось зрителям. Леночка ответила в той же тональности — будет тут каждая замухрышка топать ногами, да прикрикивать. К ним подключилась Понсия…

…и на сцене разыгрался скандал.

Но уже строго по тексту.

Искра, вспыхнувшая в Нине, передалась Аделле… проскочила к остальным актрисам. Волшебник взмахнул своей палочкой, и… героини ожили. Лёньчик что-то прошептал насчет путей неисповедимых, но запнулся на полуслове и с открытым ртом застыл за кулисами. С первой же картины второе действие, что называется, пошло. Это чувствовалось и по притихшему залу. «Выходит, что не зря я надрывался! Игра стоила свеч. — Лёньчик с восторгом и тревогой следит за Аделлой — не сорвалась бы, только бы не сорвалась. — Талант! Настоящий талант. Я же чувствовал… Я видел ее Аделлой. Я один это видел. Я — режиссер. Настоящий режиссер».

В каждом выходе Нины публика настораживалась, прислушивалась. Не сумев защитить себя, Нина защищала свою героиню, растаптывала злость и цинизм Леночки и сестер Аделлы. И текст пьесы, и ненависть к любовнице Лёньчика слились в единое целое, как два ручейка в единый бурный поток. Нина жила Аделлой, как живут лишь однажды… и, кажется, не осознавала этого. Узнав о гибели того, кому, не раздумывая, отдала свое чистое тело, Аделла окинула помутневшим взглядом мать, служанку… пристально посмотрела на сестер. Словно не доверяя услышанному, как полоумная, подошла к авансцене и с воплем метнулась за кулисы.

Зал, не дождавшись финальной сцены, взорвался. Зрители вскочили. Некоторые, не помня, с чего началась пьеса, оглядывались по сторонам — спрашивали, что к чему, но от них отмахивались, как от назойливых мух: смотреть надо было, а не ворон ловить.

Погас свет.

Лёньчик ликовал: «Вот это удача! Моя удача! Куда там Алешке из ТЮЗ а! И все это видел Александр Сергеевич Барсов. — Лёньчик видел его в зале. — Успех! Это же потрясающий успех! Может, подойти к нему?.. Нет, не стоит: пусть сам подойдет. Он должен подойти… теперь — должен. Жаль, Юрия Любимова тут нет… далеко он, в Москве живет. Ну, да ничего, и «барсик» сойдет на худой конец. Я знаю, у него открылась вакансия… Не дурак же он, возьмет меня к себе… это ж для его театра могут открыться новые горизонты… И тогда… гори они синим пламенем и это офицерское стойло, и его начальник, дутый индюк с майорскими погонами, и его распутная дочка… Совсем затрахала, кошка ненасытная… Нужны мне ее сиськи, как прокисший борщ… Тьфу! И все эти бабульки артисточки божьи одуванчики, неувядающие «девочки», в обед сто лет, а туда же… тоже, горят они синим пламенем. Все, финита ля комедия, сюда я больше не ездок… Надо будет уговорить «барсика», чтоб и Нину взял. Нина не подведет, Нина — молодец. Барсов должен нас обоих взять в свою труппу. А чего, собственно, я должен уламывать его: поставлю условие — или вдвоем с Ниной, или пусть не мечтает заполучить меня в свой театр. То-то будет переполох на театре!.. Ну, ничего, я еще потягаюсь и с Аркашкой, и с Авдеевым… подумаешь, сын местичкового драматурга… Посмотрим, кто кого… Посмотрим, кто раньше на московских театрах очутится. — Лёньчик выглянул из-за кулис в зал. — И солдатики, вроде, тоже ничего… понимают, что хорошо, а что плохо. — Ему хотелось обнять весь мир. — Молодцы ребята ».

Загремел опрокинутый стул, и в ту же секунду «выстрелил» правый верхний «пистолет», выхватив из темноты девушку, укрытую простыней… и над ней — петлю из грубой пеньковой веревки. Петля какое-то время раскачивалась из стороны в сторону, будто маятник, и, наконец, замерла на мертвой точке.

Лёньчик дотянулся до магнитофона и повернул регулятор громкости до отказа. Аккорды «Аве Мария» схлестнулись с новым взрывом аплодисментов.

Актеры благодарили зрителей.

На сцену упал маленький букетик гвоздик. Нина посмотрела в зал. В первом ряду со стула вскочила худенькая девчушка в ортопедическом ботинке, выхватила из рук оторопевшей матери огромный букет роз и, не отрывая восхищенного и благодарного взгляда от Аделлы, прихрамывая выбежала на сцену.

Зал с новой силой полыхнул аплодисментами… словно ведро бензина плеснули в костер.

Нина не верит своим глазам: ей дарят цветы… первый раз… и какой большой букет!.. Она сделала два быстрых шага навстречу хромой девочке с цветами, и…

…широкая, мясистая спина Тамары Михайловны, полковничьей жены, преградила ей путь.

Солдаты продолжают аплодировать. Не жалеют ладоней и штатские.

Нина посмотрела вокруг… и ей кажется, что все это уже было. И не раз. Словно просматривая знакомый киноролик, она угадывает каждое движение на сцене. Так и есть — цветы в руках Тамары Михайловны. Она перехватила их. Она обворовала Нину. Она обворовала девочку-калеку. Она обворовала Аделлу. Она привыкла получать цветы… и получила. Одно было Нине невдомек: Тамара Михайловна знала, для кого их купила мама той девочки, одна она знала это… и еще та женщина. Только они вдвоем знали, за чьи деньги куплены эти цветы.

Нина попыталась улыбнуться, но не смогла. Повернулась к девочке… Та растерянно поглядывает то на нее, то на тетю Тому, давнюю приятельницу мамы, и не знает что делать.

Тамара Михайловна крепко держит цветы, горделиво улыбается, кланяется, и свободной рукой показывает на остальных актрис, дескать: спасибо, спасибо, но не я одна заслужила вашу признательность, мне помогали вот эти…

Нина прикрыла глаза ладонями.

Под ногами закачалось, завертелось.

Потом — уже на грани сна и реальности: сухой треск дубовых досок сцены.

…и темнота.

А в зале не смолкают овации.

Всего остального Нина не помнит. Не помнит, и как очутилась в трамвае.

Чья-то рука легла на ее плечо — дядя Миша, старенький вахтер Дома офицеров, протягивает ей маленький букетик мимоз.

— Не расстраивайся, дочка, ты играла лучше ее. Лучше всех. Я видел. Что делать, награды не всегда достаются тем, кто их заслуживает. Крепись.

Нина заплакала…

…Нина вытирает слезы мокрой варежкой, размазывая по щекам толстый слой грима, который забыла снять, и стыдливо поглядывает по сторонам.

ДМИТРИЙ ЦЕСЕЛЬЧУК
ЧУРЪ* (ВЕНОК СОНЕТОВ)

1

жить продолжать в чужом обличьи
но не красуясь как фазан
в обидном для других величьи
Душе прикид в рассрочку дан

так надо полагать от Бога
не рассчитаешься – возврат
грозит голгофой и тревога
сжимает сердце аккурат

когда готов пойти на дело
людей оШЕЛОМя окрест
некомплексующих и смело
несущих свой нательный крест
спасающихся от греха
косящим глазом петуха

2

косящим глазом петуха
отмеченные словно тиком
кто вам воздаст без пастуха
какой-нибудь там гоп со смыком

кто жизнью вашей помыкал
в угоду собственному благу
В папахе белой аксакал
вот ваш ответчик за отвагу

как все вокруг с оглядкой жить
высоких не имея планов
за кои могут укорить
И руки вынув из карманов
не смели чтоб винить в двуличьи
перенимать повадки птичьи

3

перенимать повадки птичьи
не всякий увалень горазд
есть не у всех талант в наличьи
не всякому Господь воздаст
за все превратности служенья
хоть лоб о плиты расшиби
а манит крест самосожженье
О Храме Божьем без любви

не помышляй – вещей порядок
без близости – фантом и блажь
И Соблазнителю меж грядок
густых бровей с размаха вмажь
Забудь про все хи-хи ха-ха
отЧУРкиваясь от греха

4

отЧУРкиваясь от греха
перекрестись на всякий случай
украинская ночь тиха
и русская ее не лучше:
гнездится как в дупле удод
а на поверку выйдет филин
а для него и слог не тот
и харч белками не обилен

сожрет беднягу-мышь в ночи
солидная по виду птица
а после попусту кричит
Вот мог бы мне хотя б присниться
из сказок Гофмана кораблик
чур-чур меня долдонит зяблик

5

чур-чур меня долдонит зяблик
будто будильник-раздолбай
и этот долбанный кораблик
привез меня в забытый край

Тут все юны и белобоки
а кожа только расцвела
студентки будто балаболки
щебечут: сессию сдала!

айда с девчонками в кафешку
и мы мальчишки тут как тут
нельзя сгубить такую фишку
а предки дома подождут
да и соседи за стеной
и твой фасон теперь иной

6

и твой фасон теперь иной
проходы жесты и повадки
в обнимку ходишь ты с одной
не пишешь лекции в тетрадки

А «оттепель» уже во всем
созвучна общему настрою
журнал «Зигзаг» мы издаем
в осаду взяв физфака трою

три экземпляра весь тираж
машинописный текст неярок
студентов то в озноб то в раж
бросает... Времени подарок
исчез как Гофмана кораблик
не наступай на те же грабли

7

не наступай на те же грабли
уж Горбаневской с нами нет
и Делоне... Давно озябли
их тени Мудр судьбы совет

но жизнь не прихвостень Советов
чувак улавливаешь мысль
читай в обоих смыслах это
и свой особый смысл исчисль

закладывать не пробуй душу
хоть и принявши за кадык
и выброшен как кит на сушу
к когорте гордых забулдыг
не повернись хоть раз спиной
никшни якшаться с сатаной

8

никшни якшаться с сатаной
и выплывая из пучины
гордись не пенной сединой
а тем что мы еще мужчины

всем катаклизмам вопреки
перипетиям и упрекам
хотя рожать пора по срокам
от чуда чада отрекись

но без дежурного аборта
а просто так из озорства
нет никого дотошней черта
но ты не мысли с ним родства
пока не клюнет в темя Лихо
живи но неприметно тихо

9

живи но неприметно тихо
а плод созреет дай лишь срок
дал патриарх (в 20-х) Тихон
Всея Руси такой урок:

жить ради жизни завещая
а не всему на зло истлеть
и может статься иван-чая
цветы к нему входили в клеть

как будто это мы иваны
родства не помнящие сплошь
в любом из нас свои изъяны
но на фу-фу нас не возьмешь
Клобук на уши натяни
о прошлом глубоко вздохни

10

о прошлом глубоко вздохни
не просто расставаться с прошлым
и в старину и в наши дни
тут надо быть бродягой ушлым

скитающимся по векам
как дщерь по обжитому дому
под'ластившаяся к старикам
затем чтоб сделать по-другому

переиначив все родив
неимоверного дитятю
наидивнейшее из див
в дитя уткнув со млеком титю
причмокивая тихо-тихо
минует зло тебя и лихо

11

минует зло тебя и лихо
хоть не померкнет «жизнежуть»**
есть из всего последний выход
лишь призадумайся чуть-чуть

и вспомни чем все обернется
когда придет и твой черед
Пока твое сердечко бьется
ну а с чужих не стаял лед

пока не требует поэта
к священной жертве Аполлон
а Бог Любви как та комета
сердца землян берет в полон
с прощанием повремени
на грудь скатерку не тяни

12

на грудь скатерку не тяни
не для того соткали саван
ни слова о себе: ни-ни
ведь как ни кинь лукава слава

дым поплывет как ты не тщись
переупрямить крематорий
куда-то по ветру и ввысь
а ввысь всплывать – какое горе?

И будешь ты как этот дым
обогревать – какое благо!
Нельзя быть вечно молодым
а если льзя? – Терпи бумага!
Еще один последний выдох
ищи из лабиринта выход

13

ищи из лабиринта выход
так чтобы сделать еще вдох
ну а за ним еще и выдох
а там и третий чтоб я сдох

чтоб околел пес шелудивый
(а на поверку как живой)
жизнь еще длится эко диво
я вместе с нею Боже мой

вот так дышал бы полной грудью
жизнь как красотка хороша

мгновенье стало моей сутью
я птах в твоих сетях душа
Oh Uni-verse!*** Ведь я твой д-ж-и-х-а-д
как super spy наш Зорге Рихард

14

как super spy наш Зорге Рихард
я верую в свою страну
где лопухи и облепиха
а не дол'лары на кону

и ради этой русской сказки
я продолжаю жить хохол
и птицы с веток без отмазки
поют – не поддавайся мол

и я не поддаюсь но братцы
живет в моей гортани страх
а что как выйдя из прострацій
я окажусь одной из птах
Как не виня себя в двуличьи
жить продолжать в чужом обличьи

15

жить продолжать в чужом обличьи
косящим глазом петуха
перенимать повадки птичьи
отЧУРкиваясь от греха

чур-чур меня долдонит зяблик
и твой фасон теперь иной
не наступай на те же грабли
никшни якшаться с сатаной

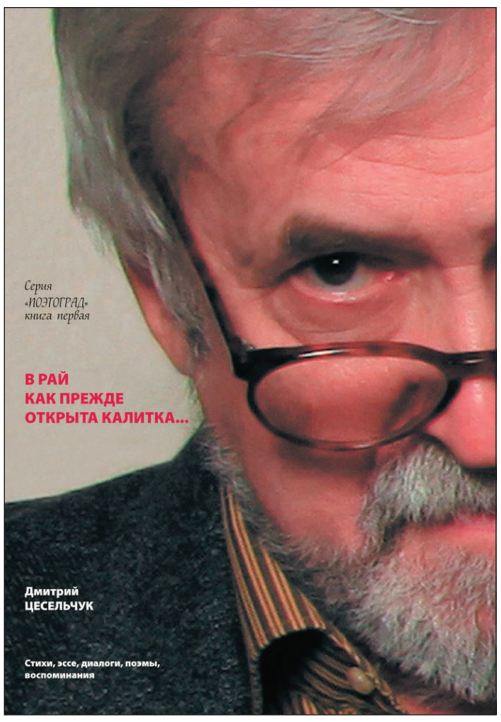
живи но неприметно тихо
о прошлом глубоко вздохни
минует зло тебя и лихо
на грудь скатерку не тяни
ищи из лабиринта выход
как super spy наш Зорге Рихард

13.12.2013 г.

* – м. стар. – грань, граница, рубеж, межа (Словарь В. Даля);

** – название книги стихотворений Татьяны Виноградовой (– М. 2013);

*** – Universe (англ.) – Вселенная при написании через дефис Uni-verse переводится как единостишие, моностих. Впервые на такое понимание Мироустройства указал Иосиф Бродский, назвав в своей Нобелевской речи поэзию видовой целью развития человечества.



РЕКЛАМА

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ XXI ВЕКА

МИНИСТЕРСТВО ЮСТИЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СВИДЕТЕЛЬСТВО

о государственной регистрации некоммерческой организации

Региональная общественная организация "Союз писателей XXI века"

109190 г. Москва, ул. Любянская, д. 47, пом. VII, ком. 1

Решение о государственной регистрации некоммерческой организации при создании принято "24" января 2011 г. Главным управлением Министерства юстиции Российской Федерации по Москве.

Запись о некоммерческой организации внесена в Единый государственный реестр юридических лиц "08" февраля 2011 г. за основным государственным регистрационным номером:

1 1 1 7 7 4 6 0 2 3 0 9

Начальник Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве В.В. Дикопов

Учетный N 9 7 7 1 2 0 1 0 5 1 1 3

Дата выдачи "14" февраля 2011 г.

Союз писателей XXI века создан в январе 2011 года, зарегистрирован в Министерстве юстиции Российской Федерации.

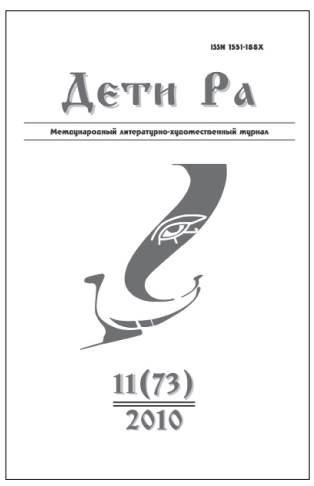
Президент Союза писателей XXI века — поэт и прозаик Евгений Викторович Степанов.

Союз писателей XXI века — общественная организация, объединяющая современных писателей из разных стран, налаживающая переводческие контакты, содействующая членам Союза в публикациях и продвижении на книжном рынке.

Союз писателей XXI века (совместно с Холдинговой компанией «Вест-Консалтинг») издает журналы «Дети Ра», «Крещатик», «Зинзивер», «Футурум АРТ», газеты «Литературные известия», «Поэтоград», «Есенинский бульвар» (на болгарском языке), альманахи «Илья», «Другие», осуществляет информационную и техническую поддержку крупнейшего Интернет-портала «Читальный зал».

Каждый член СП имеет собственный персональный сайт.

Союз писателей XXI века — некоммерческая организация, которая существует за счет взносов и пожертвований.



Тел. для справок: (495) 978 62 75
Сайт: www.writer21.ru

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МАГАЗИН WWW.LITLAVKA.RU

В нашем Интернет-магазине Вы можете приобрести книги по ценам издательств без дополнительной наценки.

Все книги поступают к нам от издательств или непосредственно от авторов, минуя посредников.

Оплатить заказ можно через расчетный счет издательства «Вест-Консалтинг».

Пересылка книг за счет покупателя.

В Москве книги могут быть доставлены курьером.

Звоните по тел.: (495) 971 79 25

Адрес эл. почты: stepanovev@mail.ru

Реквизиты издательства «Вест-Консалтинг»

Юридический адрес: 109193, г. Москва, ул. 5-я Кожуховская, д.13
Банк: ОАО «Банк Москвы» г. Москва
ИНН / КПП: 7723339052 / 772301001
Расчетный счет: 40702810800670000380
БИК: 044525219
Корр. Счет: 30101810500000000219

Генеральный директор издательства «Вест-Консалтинг» — Степанов Е. В.

Холдинговая компания «Вест-Консалтинг» предоставляет услуги в области перевода на английский и немецкий языки:

- **Редактура и перевод текстов рекламных материалов и выступлений официальных лиц;**
- **Подготовка и презентация различных отчетов для руководства международных компаний и корпораций;**
- **Разработка уставов, положений, регламентов и процедурных вопросов для компаний и корпораций;**
- **Написание новостных блоков по продвижению и продаже продукции;**
- **Подготовка финансовой и правовой аналитики, разработка бюджетов;**
- **Преподавание техник проведения и прохождения интервью, технических навыков, теории и практики продаж, ораторских навыков, подготовки и ведения презентаций.**

В нашей компании работают профессионалы самого высокого уровня, носители языка.
Тел. для справок: : (495) 971-79-25

ИЗДАДИМ И СДЕЛАЕМ ИЗВЕСТНОЙ ВАШУ КНИГУ

Издательский центр «Вест-Консалтинг» — это многоуровневая и универсальная структура.

Наше издательство издает 7 литературно-художественных журналов, газету «Литературные известия» и поддерживает 15 собственных литературных сайтов. Мы выпускаем книги современных авторов — более 300 наименований в год. Мы продвигаем книги наших авторов на литературном рынке. Мы обеспечиваем распространение книг авторов нашего издательства (и других издательств) в крупнейших магазинах Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова, Киева и др. городов.

Авторы нашего издательства получают эксклюзивные возможности PR-сопровождения.

Путь от рукописи до книги и признания в литературном мире Вы пройдете наиболее быстро в издательстве «Вест-Консалтинг».

Звоните: (495) 971–79–25
e–mail: stepanovev@mail.ru
Сайт: www.west–consulting.com

САЙТЫ ПИСАТЕЛЯМ

Компания «Вест-Консалтинг» — лидер в стране по производству сайтов для писателей и других деятелей культуры.

Наша фирма сделала сайты таким знаменитым поэтам и прозаикам, как Олег Чухонцев, Александр Кушнер, Инна Лиснянская, Олеся Николаева, Тимур Кибиров, Петр Образцов, и многим другим.

Успешно функционирует разработанный ООО «Вест-Консалтинг» сайт премии «Поэт».

Мы сберегаем архивы писателей, делаем их достоянием широкой общественности.

«Вест-Консалтинг» — это:

- Создание и сопровождение WEB-сайтов как составная часть продвижения на рынке;
- Сайты-визитки от 500 у.е.;
- Индивидуальный дизайн;
- Предоставление хостинга;
- Регистрация доменного имени;
- Система управления контентом (наполнением сайта) CMS;
- Регистрация в поисковых системах.

По вопросам заказа услуг звоните по телефону: (495) 971–79–25
e–mail: stepanovev@mail.ru
Сайт: www.west–consulting.com

Газета Союза писателей XXI века
и Холдинговой компании «Вест-Консалтинг»
(www.west-consulting.com)
Тел.: (495) 978-62-75
Интернет-ресурсы
www.poetograd.ru,
http:/ / poetograd1.livejournal.com,
http:/ / www.facebook.com/ poehtograd.vestkonsalting
Общественный совет
Лео Бутнару (Румыния), Арон Гаал (Венгрия), Светлана Дион (Испания), Станислав Пенев (Болгария), Нелли Пигулева (Болгария), Константин Кедров (Москва), Дмитрий Цесельчук (Москва)
Главный редактор
Наталия Лихтенфельд
Заместители главного редактора
Владимир Коркунов, Федор Мальцев
Шеф-редактор
Евгений Мелешин
Заместители шеф-редактора
Василий Манулов, Сергей Киулин
Литературный редактор
Ольга Денисова
Компьютерная верстка
Глеб Пузыревский
Отдел рекламы и связей с общественностью
Ирина Горюнова
Интернет-версия
Максим Жуков, Николай Баринов, Наталия Лихтенфельд